

Семантическая трансформация заимствования: взаимодействие лингвокультур (на материале русизмов в якутском языке)

Научный руководитель – Габышева Луиза Львовна

Дьячковская Анна Сергеевна

Студент (магистр)

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Филологический факультет, Кафедра Общее языкознание и риторика, Якутск, Россия

E-mail: annasergeevna544@gmail.com

Семантическая трансформация заимствования: взаимодействие лингвокультур (на материале русизмов в якутском языке) Дьячковская Анна Сергеевна Магистрант Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

Словарный состав языка представляется наиболее подвижным и чутким к культурным изменениям ярусом языковой системы, что обуславливает способность заимствованных лексических единиц служить богатым материалом для изучения особенностей взаимовлияния языковой и культурной картин мира контактирующих народов. Проблема русских заимствований в якутском языке рассматривалась с точки зрения самого процесса заимствования, его хронологии, закономерностей освоения лексики на фонетическом, грамматическом и лексико-семантическом уровнях. Однако до сих пор остаются малоизученными проблемы, связанные со взаимодействием языковых и культурных картин мира при вхождении иноязычных элементов в словарь-реципиент и его влиянии на семантические изменения слова в процессе его ассимиляции. В настоящей работе мы ставим целью выявить особенности влияния культурной и языковой картин мира якутов на семантические преобразования русского заимствованного слова. Научная новизна исследования состоит в обосновании ведущей роли картины мира народа в процессе интеграции заимствований в принимающей лингвокультуре. Для подтверждения этой гипотезы обратимся к анализу трансформации значения русского заимствования бэриэһинэй (русс. болезненный), зафиксированного в «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского. Автор дает следующее толкование семантики лексемы: «бэриэһинэй буолан хаалбыт - говорится о человеке с плохим от постоянного сидения и лежания кровообращением и питанием. . . ; этэ-хаана бэриэһинэй буолбут организм его стал болезненным (страдающим от плохого обмена веществ)» [Пекарский: 438]. Внимание привлекает характер семантического сдвига в слове сравнительно с русским прототипом: от констатации нездоровья человека - к указанию причины его - малоподвижный образ жизни и плохое питание. Для сравнения приведем соответствующую статью из «Толкового словаря русского языка» Д.Н. Ушакова: «Болезненный 1. Склонный к болезням, нездоровый, хилый. Болезненный ребенок. Болезненная женщина; происходящий от болезни, вызывающий представление о болезни, нездоровый. Болезненный вид. Болезненный румянец. Болезненное уплотнение легочной ткани». 2. перен. Уклоняющийся от нормы, ненормальный. Болезненное любопытство. Болезненные явления общественной жизни. 3. Вызывающий боль, физическую и душевную, сопряженный с болью. Болезненное прикосновение. Болезненное ощущение» [Ушаков: 167]. В заимствованном прилагательном бэриэһинэй сохранилось лишь основное прямое значение слова - 'нездоровый', однако толкование его дается в весьма далеком от прототипа значении: иноязычный элемент приобретает в якутском языке сему 'с плохим от постоянного сидения и лежания кровообращением и питанием. . . ; (с организмом) страдающим от плохого обмена веществ'. Подобная семантическая трансформация лексемы обусловлена, на

наш взгляд, степенью и характером различий образов жизни якутов, полукочевых коневодов, и русского народа, история и культура которого были тесно связаны с земледелием и оседлостью. Можно предположить в данном случае и влияние базисной для языков и культуры тюркских народов соматической (анатомо-физиологической) метафоры; тюрки-скотоводы воспринимали и видели мир сквозь призму привычных для них телесных образов [Габышева: 14]. Отсюда характерное замечание в словарной статье о нарушении кровообращения и ухудшении обмена веществ в связи с нездоровьем. В целом, указанное слово представляет сдвиг, отклоняющийся от стандартных моделей семантических преобразований. В конечном результате семантика лексемы претерпела переосмысление, при этом в якутском языке сравнительно с русским произошло сужение семантического поля слова болезненный. Таким образом, анализируемый материал свидетельствует об активности принимающей языковой и культурной картин мира в освоении перенесенного элемента. Рассмотрим процесс ассимиляции другого заимствованного имени бэһиэлчик / бэһиэччик (русс. поселщик) со значением 'поселенец, ссыльный поселенец', слово зарегистрировано в «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского [Пекарский: 445]. Интерес представляет не само существительное, которое рассматривается в настоящее время как архаизм, а образованный от него глагол бэһиэлчиктээ 'распродавать по частям убитую лошадь, убивать специально для того, чтобы распродать, разделивши на места, т.е. на равноценные части'. Отметим, что аффикс -тээ в глаголе бэһиэлчиктээ представляет собой одну из самых универсальных форм образования глаголов в якутском языке. Укажем, что слово бэһиэлчиктээ означает 'действовать как бэһиэлчик', другими словами, происходит метонимический перенос значения. Обратимся к анализу механизма семантического преобразования данного слова. В Якутии получили развитие товарно-денежные отношения с ее вхождением в состав Российской империи; одними из первых, кто занялся торговлей жеребятиной, местным продуктом, были русские поселенцы. Можно предположить, что действие «убивать (коня) специально для того, чтобы распродать» входило в противоречие со старинным и широко известным обычаем якутов, согласно которому «если якут убивает скотину, то внутренности, жир, налитые кровью кишки он делит на порции разной величины и достоинства и раздает соседям, которые, узнавши о таком событии, обыкновенно по очереди посещают его. Самое меньшее - он должен накормить мясом посетителей. Обычай этот существует всюду, и никто не смеет нарушить его без опасения неприятных последствий... Достаточно, убивши скотину, обойти кого-либо из соседей подарком, чтобы приобрести себе врага. Умышленный обход равносильна вызову; с него обыкновенно начинается открытое прекращение дружественных отношений между семействами. Даже люди втайне враждующие, раз живут близко, обмениваются подобными подарками, а более любимым и уважаемым соседям они отсылают их даже на дом, за несколько верст» [Серошевский: 421]. Исследователи видят в этом обычае пережитки родового строя. Подобная траектория развития значения заимствования была обусловлена особенностями принимающей культурной картины мира якутов, почитавших лошадь за своего предка и божества. Негативное отношение носителей якутской культуры к действиям человека из соображений практической выгоды обусловило развитие значения русизма бэһиэччик, который впоследствии приобрел в якутской речи отрицательные коннотации 'мошенник', 'предатель'. Заимствованное слово начинает использоваться и осмысляться носителями языка-реципиента в соответствии с их культурными представлениями, что отражается на особенностях его функционирования. Лакыай [русс. лакей?] - «трутень, живущий без дела: лакыай олорор киһи - человек, не приносящий никакой пользы, будь то хозяин (господин), или хозяйка (госпожа)» [Пекарский: 1464]. В процессе перехода элемента в иноязычную среду нередко происходит трансформация значения от нейтрального значения к негативному. Ассоциативные признаки, актуализируемые при сдвиге семанти-

ки заимствования лакьяй, приобрели уничижительный оттенок. Мотив семантического сдвига обнаружим при сравнении понятий «слуга» в двух культурах. Семантика заимствования также была трансформирована: от бегуна — на «слугу, следующего за своим господином». В словаре Ушакова дается следующее значение: «домашний слуга при господах» [Ушаков: 20]. Значение якутского слова мало совпадает с понятием «слуга»: «хамначчыт (от хамнас) - работник, рабочий, батрак, слуга, служитель, прислужник, прислуга, раб, раба» [Пекарский: 3286]. До культурных контактов с русскими у якутов слуги находились в полном подчинении у своих хозяев, их труд оплачивался исключительно крайне скудной едой и стесненным проживанием. Хамначчыт выполнял тяжелую черную работу в суровых условиях (хара улэ - черная работа). В современном толковом словаре якутского языка для перевода используется слово батрак. Следовательно, осмысление слова «лакей» у якутов приобрело совершенно иное, коннотативное значение, возникшее на фоне различия понятий «слуга». Разберем семантику заимствованной лексемы «кимизл [русс. хмель] - вредное действие чего-либо: тар кимизэлэ огуста - дрожь пробирает человека (внутри чувствуется; буквально: он подвергся вредному действию прокисшего за лето молока)/ уу кимизэлэ огуста - он простудился (буквально: он подвергся вредному воздействию воды)» [Пекарский: 1091]. «Кимизэллээх - тар кимизэллээх - очень кислый: киһи тириитин таһынан туһэр кимизэллээх тыллаах киһи - человек, слова которого настолько жестоки, что другого подирает по коже» [Пекарский: 1091]. В особенности нас заинтересовало употребление производного слова кимизэллээх. В процессе функционирования слов хмель, хмельной в значении «пьяный, нетрезвый» они обрели дальнейшее семантическое развитие - «человек, слова которого настолько жестоки, что другого подирает по коже». Дословно словосочетание кимизэллээх тыллаах (киһи) можно перевести как «человек с хмельными словами». Однако толкование прилагательного кимизэллээх интерпретируется только в контексте осмысления принимающей культуры. Метафорический характер развития семантики данного слова обусловлен ассоциативным восприятием воздействия жестоких слов на состояние человека. В языковой картине мира якутов слову традиционно придавали огромную роль и оценку, слово несет в себе прежде всего магическую функцию. Это обусловлено мифологическими представлениями народа саха, в культуре якутов акт говорения содержит в себе не только силу мысли, но и сакральный смысл. И.А. Худяков писал, что «худые речи прилипчивы», а проклятие, если не исполняется на самих проклятых, то доходит до их детей. Хмель имеет кислый, терпкий вкус, а также сильное воздействие на человека, что в свою очередь ассоциируется с воздействием на человека произносимого слова. Подтверждение мысли также находим и в якутской поговорке киһи тыла ох - букв. слово человека - (смертельное) оружие. Интересным представляется своеобразное толкование слова «эбиэт - обед, завтрак в пути» [Пекарский: 218] и производных от него слов: «Эбиэттээ - обедать, завтракать в пути» [Пекарский: 218] «Эбиэттээн - закусывать» [Пекарский: 219] Известно, что в сознании любого народа, ведущего оседлый образ жизни, обед воспринимается не только как полноценный, наиболее обильный прием пищи, но и как прием гостей. В данном случае толкование слова обед получила у Пекарского иное значение. Сдвиг семантики данного заимствования, на наш взгляд, обусловлен прежде всего степенью и характером различий образов жизни якутов, полукочевых коневодов, и русского народа, история и культура которого были тесно связаны с земледелием и оседлостью. Для того, чтобы проследить мотивы семантического сдвига слова, необходимо обратиться к истории Якутии до периода с ее вхождения в Российское государство. Следует отметить, что в былые времена прием пищи у якутов всегда сопровождался обильным питьем молока, чая: «...мало-мальски состоятельные прежде всего пьют чай черный или с молоком, смотря по состоятельности и времени года, т.е. присутствию или отсутствию дойных коров». Также отмечается, что «ужин у якутов

всегда плотнее завтрака и обеда» [Серошевский: 315]. Подтверждение данной мысли можно обнаружить у Саввина А.А.: «Согласно некоторым исследованиям, что у якутов, за исключением зажиточных, режим приема пищи как таковой не наблюдался»; «в стадии примитивного хазяйства. . . определенное время еды не отводилось», «обедали также вразнобой»; «для завтрака, обеда и ужина существовали термины сарсыарда аһылык, кунуску аһылык [дневная пища], кизэһээ аһылык»; «обедали в 10-11 дня»; «в эпоху кочевого и охотничьего быта необходимость постоянного передвижения с места на место. . . заставляла их торопиться» «как пережиток этого, у якутов до конца прошлого века сохранилась привычка не только есть быстро, но и вставать рано, быстро одеваться» [Саввин: 11-12]. Иными словами, можно предположить, что заимствованное слово сохранило ту семантику, которая наиболее близка традиционному пониманию дневного приема пищи якутами. Дополним, что с 17 века на якутов была возложена повинность по перевозке грузов, а также по содержанию почтовых станций. (Позднее обязанность возложили на русских крестьян.) Следовательно, прием пищи также наиболее часто осуществлялся в пути. 1. Мы делаем заключение о том, что особенности функционирования русизмов в якутском языке определяются характером и степенью воздействия представлений якутского народа на фрагмент иностранной действительности, который приходит в лингвокультуру-реципиент вместе со словом. Картина мира является важнейшим фактором семантических преобразований заимствованного слова. 2. В процессе ассимиляции русских заимствований (зафиксированных в исследуемом периоде) в якутском языке происходит процесс сужения или расширения семантики, что вызвано, в частности, развитием культурно обусловленных устойчивых коннотативных значений. 3. Из рассмотренных нами примеров с расширением семантики слов, наиболее характерной является, как свидетельствует материал, присоединение эмоционально-оценочного значения слова (бэһиэччиктээ, лакыай, бэриэһинэй, кимизэллээх). Литература: 1. Габышева Л.Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (автореф. дисс.) - Москва, 2003. . 2. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. - М., 1958, 1959. 3. Саввин А.А.. Пища якутов до развития земледелия. - Якутск, 2005. 4. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. - 2-е изд., - М., 1993. 5. Ушаков Д.Н. Токовый словарь русского языка. т. I. М., 1935-1940 гг.